

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ

МАЛЕНЬКОЙ
ХРИСТИЯНКЕ

Маленькой Христианке

Назидательные повести

Одобрено Издательским Советом
Московского Патриархата

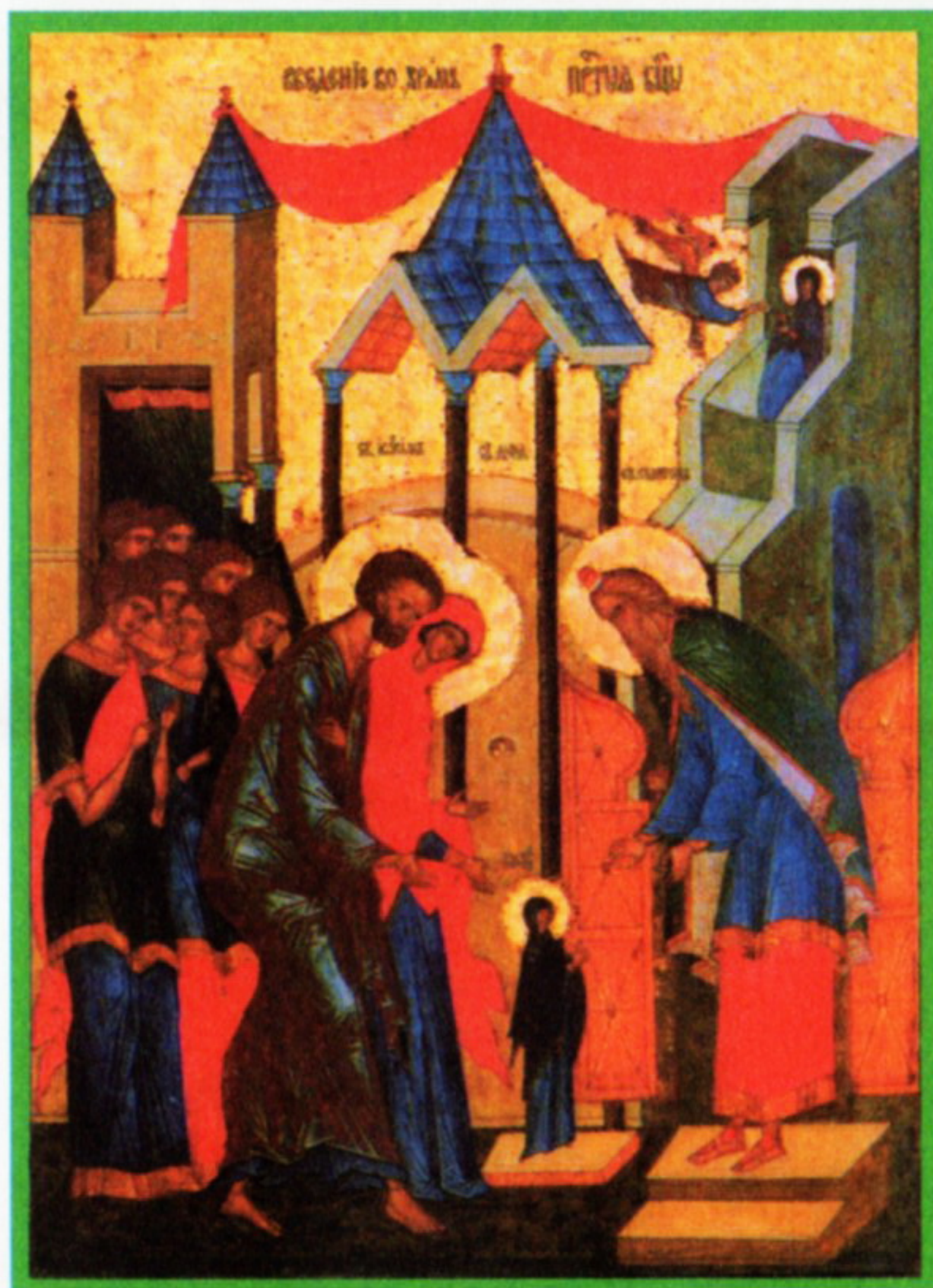
Художники Ольга Ясинская, Анна Савельева

Москва

2009

Приход храма Святого Духа сошествия

*Введение во храм Пресвятой
Богородицы*

Издание осуществлено по благословению
епископа Южно-Сахалинского и Курильского

ДАНИИЛА

Детство и юность Божией Матери

Колыбель Моя качалась
У Сиона, и над ней
Пальма Божия склонялась
Темной купою ветвей;
Белых лилий Идумеи
Снежный венчик цвел кругом,
Белый голубь Иудеи
Реял ласковым крылом.
Отчего ж порой грущу Я?
Что готовит Мне судьба?
Все смиренно, все приму Я,
Как Господняя раба.

А. Майков

На одном из склонов гор Галилейских,
среди цветущей зелени садов стоял
городок Назарет, тихий и малоизвестный.
В нем жили праведные супруги Иоаким и

Анна. Иоаким был из древнего царского рода Давида, а Анна была из рода священнического. Они жили в довольстве, у них были стада овец. Но их семейное счастье было неполное — у них не было детей.

Много молились Иоаким и Анна, чтобы Господь дал им дитя; они даже дали Богу обет, что посвятят Ему на служение то дитя, которое у них родится. Но молитва их не исполнялась. Время шло, и они уже начали стареть.

А в народе еврейском иметь детей желали не для семейной только радости. Все тогда ждали пришествия Христа Спасителя, и те, у кого были дети, надеялись, что хоть дети их доживут до Его желанного царствия. У кого же детей не было, тот считал себя как будто бы исключенным из царствия Христова. Поэтому евреи считали знаком гнева Божия, если у супругов не рождалось детей.

Однажды Иоаким пошел в Иерусалим и там пошел в храм, чтобы принести жертву. Там был кто-то из его соседей. Человек этот грубо оттолкнул Иоакима, сказав: «Что ты идешь вперед! Ты и вовсе-то недостойн приносить жертву, так как Бог не дал тебе детей».

Иоаким глубоко огорчился этим укором. Он не вернулся домой, а ушел в пустыню, где паслись стада его. Там хотел он успокоиться душою.

Анна дома слышала об обиде, которую испытал муж ее. Ей тоже стало тяжело. Среди домашних трудов своих вышла она в сад и села там отдохнуть под лавровое дерево. Случайно подняв глаза, увидела она в ветвях гнездышко с птенчиками. Птичка-мать прилетела и кормила их.

Анна вздохнула.

— Вот,— сказала она себе,— и птице Бог дает радость в детях, а у меня этой радости нет.

Когда она это подумала, ей явился Ангел Господень и сказал:

— Молитва твоя услышана. У тебя родится Дочь, благословенная более всех дочерей земных. Имя Ей будет Мария.

Услышав такое дивное обещание, Анна в радости душевной поспешила в Иерусалим, чтобы там в храме поблагодарить Бога.

Между тем Ангел Господень явился к Иоакиму и сказал ему те же слова, прибавив:

— Иди в Иерусалим; там у Золотых Ворот встретишь ты жену твою.

Супруги радостно встретились и вместе вошли в храм принести благодарственную жертву. После этого они вернулись домой в Назарет.

Через несколько месяцев у Анны родилась Дочь, и родители назвали Ее Марией.

В радости своей они, однако, не забыли своего обещания и стали готовиться посвятить Ее Богу.

Сначала они имели намерение сделать это, когда их Дочери будет два года. Но младенец Пресвятая Дева была еще мала и слаба и не могла оставаться без помощи родителей. Тогда они отложили посвящение на один год.

* * *

До трех лет прожила Мария в Назарете, в доме родителей. Когда же Ей исполнилось три года, Иоаким и Анна решили, что настало время исполнить данный Богу обет — посвятить Ему Девочку. В то время у иудеев был обычай, по которому дитя, посвященное Богу, вводилось в Иерусалимский храм.

Иоаким и Анна начали все необходимые приготовления к торжественному дню Вве-

дения во храм. Предстояло пройти от Назарета в Иерусалим около ста пяти верст. Родители Марии созвали своих родственников, которые должны были следовать вместе с Марией в Иерусалим.

Три дня находились путники в дороге, наконец, достигли города. Началось торжественное шествие в Иерусалимский храм. Впереди шли юные девы с зажженными свечами и пели священные молитвы; за ними шли Иоаким и Анна, ведя за руки Марию. Родственники и много народа окружали все шествие. Дойдя до храма, родители Марии поставили Ее на первую ступень лестницы, ведущей в храм.

Пятнадцать ступеней вело в храм. И вот, едва родители Марии поставили Ее на первую ступень, Она Сама, без посторонней помощи, взошла по ступеням храма.

Все присутствовавшие дивились, видя, как Мария, несмотря на Свои юные годы, всходила по ступеням.

На помосте храма встретил Марию первосвященник Захария, отец Иоанна Крестителя.

Дух Святой просветил Захарию, и он воскликнул:

— Гряди, Чистая, гряди, Препоблагословенная! Войди в радости в церковь Господа Твоего!

И взяв Марию за руки, он ввел Ее в святилище, а оттуда в Святая Святых, куда сам имел право входить лишь однажды в год. Так совершилось Введение во храм.

По Введении, Мария оставалась при храме двенадцать лет.

И вот под кров священных сеней
Вступило юное Дитя,—
Там веял дух святых молений,
Лампады теплились, светя.
Младенец — Дева! Кто расскажет,
Как Ты росла в святой тиши!
Лишь Ангелы, святые стражи,
Следили жизнь Твоей души.
Они, блаженные, дивились
Ее хрустальной чистоте,
И радостно с Тобой молились,
Взирая к горней высоте.
Но тайны и они не знали,
Которой Ты обручена,—
К Тебе столпясь во время сна,
Они, быть может, вопрошали
Не раз: «О братья! Кто Она?!»

Все время Св. Дева проводит в труде и молитве. Кроме того,

Полна молитв и упованья,
Пророков тайные сказанья
Читать с смиренной душой
Она любила в час иной.

И в них, в восторге чувств священном,
Встречала те места Она,
Где о Мессии вожделем
Приподнималась пелена.
Глубоко в сердце их хранила,
Их смыслом занимала ум,
И много слез, и много дум
Она им втайне посвятила.

Предание говорит, что Ангел Господень слетал к Марии, чтобы наставлять Ее в Священном Писании.

Настало время выхода Девы Марии из храма и вступления в брак. Но Мария заявила первосвященнику, что Она еще до рождения была посвящена родителями Богу и до конца жизни хочет принадлежать Ему.

Первосвященник и священники поручили Деву Марию восьмидесятилетнему старцу, Ее родственнику Иосифу, кото-

рый должен был заботиться о Ней, беречь Ее и охранять.

По выходе из храма Дева Мария вернулась в Назарет и поселилась в доме Иосифа.

Ожерелье Марии

Подарил царь любимой дочери Марии ожерелье. Дорогой был подарок. Ожерелье стоило дороже всех сокровищ на земле. Каждая жемчужина в отдельности была редкой красоты, славилась своим блеском по всему миру и была известна под особым именем. Одну жемчужину звали любовью, другую правдою, третью кротостью, четвертую послушанием, пятую ласкою, шестую усердием и т.д.

Нарядится, бывало, Мария, украсится ожерельем; жемчуга горят, переливаются, — чудо-девочка, загляденье! Смотришь — сердце радуется. Думаешь, если

бы все дети да всегда были такими пригожими да радостными, светлыми да приветливыми!

Не умела только Мария ценить разумно отцовский подарок. Она была еще маленькой и не могла как следует понять ценности ожерелья. Она не только надевала его в важных случаях, но и шалила с ним, забавлялась и оставляла без присмотра. Часто нить обрывалась, жемчужинки рассыпались по полу, с трудом потом находили их. Попортились кое-где жемчужинки: на одной царапина, на другой оказалось пятнышко, — потускнело ожерелье.

Пришел праздник великий. Пир был у царя. Нарядили девочку, надели ожерелье на шею. Но не блестит ожерелье, не переливаются жемчуга. Увидал отец, опечалился:

— Деточка, милая, что это значит? Отчего нет в ожерелье прежней красоты? Не берегла ты мой подарок, вот и испортился он. Впрочем, пока еще исправить горе можно: царапинки загладим, пятнышки счистим, ожерелью вернем прежний блеск: порча пока еще чуть-чуть тронула жемчужинки. Но если ты и дальше так же небрежно будешь относиться к моему по-

дарку, пропадет он совсем. Вместо царяпин будут трещины, пятнышки испещрят все жемчужины, погубится вся красота.

Детки, вы поняли, конечно, притчу: царь — это Бог, царская дочь — ваша душа, жемчужины — наши добродетели, пятна — наши недостатки. На жемчужине, что правдой называется, по нашему недосмотру заводится ложь, хитрость, лукавство; на любви — зависть, важничанье, гордость; на кротости и послушании — грубость, резкость в словах, резкость и в деле. Так и погибает все ожерелье. Чаще, дети, пересматривайте отдельные жемчужинки: все ли в исправности, нет ли где пятен?

Священник Петров

Христианочка

То, что я расскажу вам, случилось много лет тому назад в селе Любани Новгородской губернии. Однажды в ию-

не, около двух часов дня, на двор одной из дач, стоявших недалеко от берега реки, вбежали две девочки, полураздетые, дрожащие всем телом. С распущенных и спутавшихся волос их текла вода. Когда к неизвестным девочкам со всех углов дачи сбегались люди, испуганные их видом и мертвенной бледностью лиц, то девочки, трясаясь и стуча зубами, едва могли пролепетать, что они купались на реке, что их сестра и горничная потонули, и что они прибежали сюда, чтобы скорее просить всех спасти утонувших, потому что до их дачи еще далеко.

Услышав это, все люди, бывшие на даче, бросились к реке, взяв с собой одну из девочек, чтобы показала им место, где утонула их сестра; а другая девочка побежала в беспамятстве дальше, к своей даче, чтобы позвать родителей.

К людям, бежавшим к реке, присоединился еще по пути народ, и у реки собралась целая толпа. Сейчас же нашлись хорошие пловцы, которые стали нырять в омут и вытащили оттуда утонувшую девочку. Она не дышала.

Когда девочку вынесли из воды, то несколько человек схватили ее и начали не-

медленно качать, но другие, более разумные люди, остановили их, потому что таким качанием не вызовешь жизни. Положив утопленницу на землю, они послали в деревню за фельдшером. Прибежавший фельдшер стал растирать похолодевшее тело девочки, стараясь произвести искусственное дыхание, но жизнь не возвращалась в окоченевшее тело.

В это время пришла мать девочек, не помня себя от ужаса и горя. Узнав, что ничто не помогает, она умоляла все-таки сделать еще что-нибудь для оживления дочери. Ей отвечали, что ничего больше нельзя уже сделать. Тогда она припала к навсегда замерзшему телу и горячими слезами обливала посиневшее личико.

Потом мертвую девочку положили на телегу, и мать повезла ее домой.

Горничную же все не могли отыскать. Ее нашли только спустя некоторое время, когда на реку выехали в лодке и стали баграми нащупывать дно в разных местах омута. Вытащив давно уже безжизненную девочку из воды, ее положили также в телегу, прикрыли рогожей и увезли домой.

Когда сестры утопленницы пришли в себя и немного успокоились, они рассказали, как случилось это несчастье.

День этот был особенно знойный и душный. Идя к реке, все они истомились от жары, и когда пришли на берег, то горничная в одно мгновение разделась и, не дожидаясь, пока разденутся дети, бросилась, не разбирая, в самый омут.

Случились ли тут с горничной судороги или другое что, только она стала тонуть. Увидев это, старшая сестра Вера, не раздумывая ни минуты, бросилась, как была, не скинув даже платья, в реку, к утопающей. Но Вера почти не умела плавать, не осилила стремительности омута и сама начала тонуть.

Тогда вторая сестра пошла также в воду, дошла до обрыва и подала руку сестре, боровшейся в омуте. Утопающая схватила сестру за руку, но тотчас же отбросила ее руку от себя.

В это время вода дошла второй сестре до рта; ей сделалось страшно, и она выбежала из воды.

Пока вторая сестра была в воде, даже младшенькая девятилетняя девочка пошла в воду за нею, но, видя, что сестра воз-

вращается, вернулась и сама на берег. И тогда-то обе сестры бросились бежать и звать на помощь.

Обе девочки в один голос рассказывали, что сестра их утонула, спасая погибшего человека, и что она ни минуты не раздумывала, а прямо кинулась в воду, так что, видимо, она ничего не думала о своей жизни, а вся была в это время проникнута только жалостью к чужому несчастью.

Вот как умерла маленькая христианка. Мы стали расспрашивать про нее и узнали, что и жизнь ее была такой же Христовой, как и смерть. Девочка эта была очень верующая и очень хорошая. С самых ранних лет она тянулась ко всему хорошему и светлому, как молодая травка изо всех сил тянется к солнечному свету, вбирает его в себя и от этого становится все зеленее и выше. Это был всегда радостный и ласковый ребенок, и каждому бывало с ним весело и хорошо,— столько искренней любви светилось из больших синих глаз девочки, столько любви было в ее обращении со всеми.

Такой она и росла. Многие люди бывают маленькими детьми добрыми и крот-

кими, но, подрастая, начинают черстветь и грубеть, в Вере же любовь делалась с годами только глубже и сильнее. Вместе с тем она становилась очень умна; она много читала и передумывала.

Она слушала, как при ней читали иногда что-нибудь из Евангелия, и ей казалось тогда, точно из этой книги говорит с ней Кто-то такой родной, дружный с нею, и говорит все так прекрасно, что у нее слезы навертывались на глаза, и маленькое сердце ее согревалось невыразимым теплом.

И Вере казалось, что это самая нужная для нее книга, что она должна читать ее сама и перечитывать, и она просила мать, чтобы та подарила ей Евангелие. Вере было тогда только одиннадцать лет, и мать долго не соглашалась исполнить ее просьбу, говоря, что ей рано читать такую книгу, что она не поймет ее своим ребяческим умом. Но девочка просила неотступно, и мать, наконец, подарила ей Евангелие. Жадно, с блаженной радостью прочитав и перечитывая Евангелие, девочка не расставалась с этой книгой. Она знала все четыре Евангелия наизусть. Но не это было удиви-

тельно: наизусть выучить Евангелие может всякий. Удивительно было то, как хорошо понимала она, чему учило Евангелие.

Прежде всего она поняла из Евангелия, что нельзя жить для себя только, а надо жить для всех, всех надо любить, со всеми всегда надо быть кроткой и ласковой, всем быть слугою, а больше всего надобно жалеть тех, кого некому пожалеть и помогать всем нуждающимся, голодным и холодным.

Так же рано поняла она, что надо быть всегда правдивой, что надо везде и всегда искать только одну правду и говорить всегда правду и не бояться ничего, если тебя обидят, отругают или как-нибудь накажут за эту правду. И что всегда-всегда надо быть чистой сердцем, как деточки маленькие, в которых ни крошки нет ничего злого. И как от деточек всем вокруг веселее становится, так и самой надо стараться быть такой, чтобы всех вокруг себя радовать и утешать, как солнце на небе всех радует: и добрых, и злых, никого не разбирает, всем светит и всех греет.

Все это она поняла прежде всего из Евангелия, а потом с годами открылось

ей еще многое другое. И этот ребенок хорошо понял, для чего нужно жить, во что надо верить и что надо любить всей душой: жить нужно для правды; верить надо в Бога, а Бог есть Любовь, как говорится в Евангелии; любить же всю душу надо всех людей, как милых и дорогих братьев.

И вся душа Веры доверчиво потянулась навстречу этому учению любви, этой правде Христовой. Она твердо верила, что всем надо и всем можно жить так, как учил людей жить Сын Божий, Господь наш Иисус Христос; и когда ей случалось говорить это взрослым, и некоторые пытались уверить ее со снисходительной улыбкой, что жить так почти невозможно, то она отвечала на это: «Значит, вы не верите в то, чему учил Христос. Нет, если верить, так уж верить!»

И говорила она это с таким горячим убеждением, что взрослые невольно замолкали, а она всегда как-то особенно выразительно повторяла еще: «Верить, так верить!»

Она много читала в свободное время. Больше всего она любила читать о жизни

и учении Иисуса Христа. Кроме того, она особенно любила историю и книги о путешествиях.

И все, что она читала о жизни людей, она оценивала по-своему: там, где народы жили в согласии между собой, где они вели жизнь мирную, тихую и дружескую, там, говорила она, люди жили так, как должны всегда жить. Когда же она читала о войнах, кровопролитиях и вообще о каких бы то ни было жестокостях и притеснениях одних людей другими, она всегда с горячим негодованием порицала такие поступки.

Она горячо порицала всегда, — никем и ничем не стесняясь, — всякую несправедливость, которую видела или о которой ей приходилось прочесть или услышать. Лицо ее всегда разгоралось в такие минуты, точно от какого-то глубокого стыда за людей, и в дрожащем голосе звенели слезы.

Насколько она любила всех, настолько же она ненавидела всем сердцем злобу и ложь, у кого бы ее ни встречала. Она прощала все это людям, но считала, что большой грех скрывать от людей правду, когда они делают злое.

Она никогда не лгала. Как она верила и говорила, так и жила, стараясь делать все то доброе, что могла и умела.

Средства ее родителей были очень скромными. Дарили они иногда дочерям 15—20 копеек на гостинцы, и у Веры иногда собирался из этого какой-нибудь рубль; но никогда она ни разу не купила себе ничего. Что же она делала со своими маленькими деньгами? Семейство ее посещали иногда знакомые, бедные и крайне нуждавшиеся люди, и девочка клала потихоньку деньги в карман их платья, висевшего в прихожей, а когда случалось ей бывать у этих людей, то она клала деньги тихонько им под подушку. Когда же это обнаруживалось, и ее спрашивали, не она ли это сделала, то она, вспыхнув, как огонь, уходила, ничего не ответив. Родные, видя, что для нее так тяжело, когда раскрывают тайны ее души, перестали задавать подобные вопросы, делая вид, что не замечают того, что она делает.

Жертвуя тем малым, что она имела, Вера пожертвовала и всею жизнью, когда это понадобилось.

И в самые предсмертные свои минуты она сделала то, что может сделать только

тот человек, в котором ничего, кроме любви, не осталось. Вспомните, что, когда вторая из сестер дошла в воде до омута и подала руку сестре, боровшейся с силою воды, то утопающая схватила эту руку и затем сию же секунду бросила.

Это она сделала сознательно, так как много раз говорила, что когда человек тонет, надо схватить утопающего, не допуская, чтобы утопающий схватил спасающего, иначе спасающий может погибнуть. Она вычитала это в какой-то книге. Поэтому надо думать, что она вспомнила эти слова свои в ту минуту, когда схватила руку сестры, и она бросила эту руку, чтобы как-нибудь не погубить сестры, а сама затем навсегда погрузилась в речную глубь.

Вот почему, когда вечером того дня, в который случилось это несчастье на реке, в одной из комнат дачи, где жила семья покойной девочки, раздались унылые напевы панихиды, что-то особенное, глубоко трогательное было на сердце у всех собравшихся родных и знакомых. И застланные слезами глаза жарко молившейся матери и сестер с бесконечной любовью и скорбью глядели туда, где лежало чистое,

невинное тело четырнадцатилетней девочки, почти ребенка, без колебания отдавшего свою жизнь в жертву святой любви.

И на белевшем сквозь туман кадильного дыма спокойном, прекрасном лице девочки лежала застывшая кроткая и приветливая улыбка, точно она говорила всем собравшимся: «Я сделала свое дело, делайте же и вы свое».

По Горбунову-Посадову

Волшебные очки

— Как жаль, что теперь нет волшебниц! Они исполняли бы наши желания, — сказала маленькая Саша, рассматривая карманную зрительную трубу своей матери, которую та получила в подарок ко дню своего рождения. — Я бы знала, что попросить у них.

— Верно, такую же трубку, как моя? — заметила, улыбаясь, мать.

— Не совсем такую. Я бы желала видеть через эти стекла не одни лица и предметы, — я их и так хорошо вижу, — но я бы хотела видеть все, что кроется под ними, — например, сердца людей, узнать их мысли, желания, а также, кто из них добр, кто зол.

— Я очень рада, — сказала мать, — что не имеешь таких стекол; иначе ты нажила бы себе очень много врагов.

— Почему же, мама? — спросила девочка.

— Неужели ты думаешь, мой друг, было бы приятно людям знать, что они не могут ничего скрыть и что сердца их открыты пред тобою; к тому же, видя больше дурного, нежели хорошего, ты сама будешь несчастна. погоди, мне припомнилась сказочка. Она объяснит тебе то, чего ты не понимаешь.

Давно, очень давно жил на свете один человек. Он желал иметь очки с такими стеклами, какие желаешь ты, и получил их. Только, раз надев их, он уже не мог их снять. Что же случилось? Сердца людей со всеми помышлениями открылись

перед ним, но видел он больше дурного, чем хорошего. Он проникал своими стеклами в сердца самых испытанных, самых любимых друзей своих — и везде находил недостатки. Это навело на него большую грусть, и он стал обращаться с ними холодно, недоверчиво. Те сначала удивлялись, огорчались, не зная, чему приписать такую перемену, наконец, оставили его одного.

Одиночество тяготило несчастного, но он не хотел глядеть другими глазами на людей, которые все ему казались хуже его самого, и в своей грусти стал просить себе у Бога смерти. Вместо смерти явился к нему Ангел с кротким приветливым лицом и голубыми глазами.

— Я любовь, — сказал небесный вестник, — я пришел помочь тебе и рассеять твоё заблуждение. Ты ищешь в других совершенства. Но может ли найти его тот, кто сам исполнен недостатков? Рассмотрю сначала свое собственное сердце и потом осуждай ближних, если посмеешь!

При этих словах Ангел коснулся чудесных очков, и перед тем человеком открылось его собственное сердце, которое было гораздо хуже сердец его ближних.

— Боже, какой я грешник! Прости меня,— воскликнул он, и очки упали к ногам его.

— Люби ближнего, как самого себя,— сказал Ангел,— такова заповедь Господа. Старайся прощать другим их недостатки,— и ты будешь счастлив на земле и прощен на том свете.

Человек исполнил повеление Ангела, и весь мир, все люди стали казаться ему лучше и добрее, потому что он помнил то, что рассмотрел в своем сердце. И теперь, глядя на других, он старался отыскивать в них только хорошие стороны и от этого сам делался лучше и счастливее.

— Поняла ли ты мою сказочку, Саша? — спросила мать. — Будем и мы с тобой смотреть на себя в те волшебные очки, а на других в простые стекла. Нам заповедано любить ближних, а не искать их недостатки. Довольно с нас и того, если мы узнаем и исправим наши собственные.

Незабудка

(Легенда)

Я хочу поговорить с вами о маленьком голубом цветочке с золотистым венчиком, точно сердечком, — в середине. Цветочек этот называют незабудкой.

Когда я была еще маленьким ребенком, то, гуляя с няней в обширном парке, окружавшем наш сельский дом, всегда надолго останавливалась около большой канавы, отделявшей парк от темного бора. По краям этой канавы росло множество самых крупных, самых прекрасных незабудок. Я не могла насмотреться на них, не могла нарадоваться! Мне казалось, что незабудки смотрят на меня своим лазоревым взором и говорят: «Не забудь меня!»

— Не говорят ли эти цветы? — спрашивала я иногда свою няню.

Няня моя была старушка-украинка, необыкновенно добрая, простая сердцем и глубоко верующая. Она любила слушать Священное Писание и знала много занимательных рассказов религиозного содержания.

На мои часто повторяемые вопросы, не говорят ли эти цветы, она однажды ответила мне:

— Да, рассказывают благочестивые люди, что однажды цветы говорили, и лучшее слово сказал твой любимый лазоревый цветочек.

— Расскажи, няня, что это за слово «незабудка»?

— Изволь, друг сердечный, — отвечала няня, горячо любившая меня. — Слушай и не шали, пока я буду говорить.

Я смиренно уселась подле няни на мягкой траве, около канавы, и, не спуская глаз с окружавших нас незабудок, слушала ее рассказ.

— Когда Господь Бог, — начала, перекрестясь, няня, — сотворив мир, почил от трудов Своих, то позвал к Себе первого человека — Адама, и при нем поставил перед Собою в ряд все растения, стал посреди них и каждому дереву, цветку, травке, былинке говорил по очереди его название и для чего оно предназначено. Только один цветочек стоял безмолвно в большом смущении. Подняв на великого Творца свои голубенькие глазки и открыв Ему свое золотое сердечко, он в блажен-

ном восторге все позабыл, кроме Создателя, и не мог ничего запомнить.

Опустив к земле цветы и бутончики, голубой цветочек залился румянцем смущения и умоляющим голосом пролепетал:

— Господи! Отец всего создания, прости меня, я не мог оторвать от Тебя взоров моих и позабыл самого себя. Если Тебе будет угодно повторить мое название, я никогда его не забуду.

Творец неба и земли, взглянув с любовью на этот цветок, произнес:

— Вины нет в том, что ты забыл самого себя, Меня только не забудь, — и удалился.

Цветок так и остался в блаженном состоянии божественного восторга, сделался любимцем всех и каждого, вот как и тебя, — сказала, обратясь ко мне, няня. — Господь наградил его за любовь к Себе прекрасным именем — Незабудка. Вложи и ты в свое детское сердце завет Господа, данный незабудке: «Меня ты только не забудь!»

Великодушная

(Быль)

В одной стране был обычай отрубать руки всякому, кого уличат в краже. Попался раз в этом знатный вельможа, царский любимец. Не мог царь отступить от старинного обычая и велел наказать преступника.

Но вот, накануне казни, является во дворец маленькая девочка, дочь этого вельможи, и просит со слезами допустить ее к царю. Царедворцы исполнили ее просьбу. Девочка упала на колени перед грозным владыкой.

— Великий государь, — сказала она в страхе, — отец мой присужден остаться без рук. Так вот, отрубите мои руки.

У царя были свои дети, и ему понравилось, что маленькая девочка так любит отца.

— Пусть будет так, как ты просишь, — сказал царь. — Но ты можешь отказаться от казни, хоть бы и в самую последнюю минуту.

На другой день девочку повели на двор к месту казни. Среди двора стояла обрызган-

ная кровью плаха, а возле — палач с мечом. Побледнела девочка, смутилась на минуту, но скоро овладела собой, подошла к плахе и протянула свои ручонки. Палач крепко привязал ее руки к плахе ремнями. Девочка не проронила ни слова. Палач поднял меч, и она закрыла глаза. Меч сверкнул и опустился, не задев и края пальцев.

— Царь прощает твоего отца за великую твою любовь! — объявил посланный от царя. Отворились двери тюрьмы: бежит к дочери отец, целует ее руки, слезами их обливает. На другой день царь объявил народу указ об отмене навеки жестокого обычая. А на месте казни, по царскому приказу, поставили столб с мраморной доской, и на нем золотыми буквами написали, как дочь готова была отдать свою жизнь за жизнь отца; и в конце прибавили такие слова: «Счастливы отцы, у которых такие дети!»

Три маленьких христианки Святые мученицы Вера, Надежда, Любовь и мать их София

(О том, как воспитывали и учили
своих детей древние христиане)

Святые мученицы София и три дочери ее — Вера, Надежда и Любовь — пострадали во II веке в Риме, в царствование Адриана. Во время гонения на христиан в 137 году была потребована на суд и благочестивая вдова София с дочерьми своими Верою, Надеждою и Любовью, из которых старшей было двенадцать лет, а младшей — около девяти.

— Господи, не оставь нас, но Сам помоги нам не утрашиться мук, не убояться смерти! Помоги нам, Спаситель наш, не отступить от Тебя! — взывала молитвенно мать-христианка, а за нею и три ее дочери, в которых она уже успела утвердить веру Христову. И, помолившись, спокойно пошли они на суд, предав себя в волю

*Св. мученицы Вера, Надежда,
Любовь и мать их София*

Того, Кто не велел бояться убивающих тело, но душу убить не могущих.

На суде на вопрос: какого она происхождения и какой веры, София безбоязненно отвечала, что она раба Христова, неисповедимому имени Которого должны поклоняться все сотворенные Им на земле.

— И детей моих,— прибавила София,— обручила я Богу Христу, чтобы сохранили они любовь нетленного Жениха — Сына Божия.

После суда София с дочерьми была отведена к одной язычнице, именем Палладия, которой поручено было уговорить мать не жертвовать своими детьми и их счастьем ради веры в распятого Христа. Но все три дня, предоставленные Софии до нового суда, она провела в молитве и увещании детей своих быть готовыми к мученическому подвигу.

— Дети мои дорогие! — говорила София дочерям своим.— Теперь наступило время подвига вашего ради Иисуса Христа. Не устрашайтесь же вы пострадать за Него! Не убойтесь лишиться временной жизни ради вечного блаженства в царствии Его! Не бойтесь того, что будут истя-

зять ваши тела, — Бог исцелит ваши раны и даст вам нетленную красоту. Также и не прельщайтесь вы, если вам будут обещать богатые дары и всякие почести земные. Все это исчезнет, как дым, как пыль, все разметется ветром и увянет, как трава. Вечны одни только Божии дары. Не опасайтесь вы никакого зла, — Бог не отступит от вас, Он Сам обещал верующим в Него, что мать скорее забудет свое дитя, чем Он забудет Своих людей. О, дети! Вспомните, что в страданиях родила я вас, в трудах воспитала вас; вспомните, как учила я вас и любви, и страху Божию, и утешьте старость мою твердым исповеданием Бога Христа.

И глубоко ложились на детские сердца христианских девочек эти увещевания их матери-христианки, и внезапно расцвели небесным плодом небесные семена, посеянные матерью в душах детей своих.

Когда они снова были призваны на суд, то неустрашимо исповедали веру свою во Христа, не отреклись от этой веры ради обещанных им всевозможных радостей земных, не отступили и перед жестокими муками, и одна вслед за дру-

гою, старшая — Вера, средняя — Надежда, и младшая — Любовь, перенесли и поджигание на раскаленной железной решетке, и горение в кипящей смоле, и строгание острым железом, и пригвождение к колесу, и биение палками, так что израненные тела их распадались на куски. И оставшись ради проявления славы Господней невредимыми среди всех этих мучений, они были, наконец, усечены мечом.

И София перенесла эту лютейшую из пыток: зрелище мучений и казни своих детей. И Господь скоро всецело утешил пострадавшую за Него, если не плотию, то сердцем Софию. Похоронив детей своих, она неотступно пребывала в молитве на их могиле, и в третий день по их кончине и сама успокоилась вечным сном, соединившим ее с детьми в царстве Бога тою любовью, которую она сама возлюбила, и детей своих научила любить Бога Христа.

Дорогая копеечка

(Рассказ каторжника)

Я возвращался с работы один, с конвойным, навстречу мне прошла мать с дочерью. Дочь была девочка лет девяти.

Я уж видел их раз. Мать была солдатка, вдова. Муж ее был под судом и умер в больнице, в арестантской палате. В то время и я там лежал больной.

Жена и дочь приходили в больницу прощаться с покойным; обе ужасно плакали.

Увидя меня, девочка покраснела и прошептала что-то матери. Мать тотчас же остановилась, отыскала в узелке что-то и дала девочке. Девочка бросилась бежать за мной. Она сунула мне в руку монету и сказала: «На, несчастненький, прими Христа ради копеечку». Я взял копейку, и девочка возвратилась к матери совершенно довольная.

Эту копеечку я и теперь храню у себя.

Ф. М. Достоевский

Помогите и Вы, дети!

Послушайте, как поступали добрые христианские дети, когда слышали, что надо помочь язычникам обратиться ко Христу.

Одна юная девушка была слепа. Проводила она жизнь в большой бедности и добывала себе хлеб насущный только вязанием чулок. Но и при своем убожестве она не забыла о язычниках, о которых ей приходилось слышать. И вот однажды она явилась к собиравшему на дело проповеди среди язычников и подала ему золотую монету. «Как ты сберегла столько денег?» — спросил он ее. Слепая отвечала: «Я зарабатываю вязанием чулок не более своих подруг, но я слепа и не нуждаюсь в освещении, потому что вяжу чулки без огня. И вот я вам принесла столько, сколько у меня могло бы выйти за зиму на керосин». Так слепая, несмотря на свою нищету и убожество, скорбела о язычниках, которые не ведают Христа! Она — слепая телесными очами — заботилась, как бы помочь просвещению язычников светом учения Христова.

Трогательный случай рассказывают также об одной больной девочке. Лежа в постели, она выпросила себе ящичек и каждую неделю клала туда по монете, которые давал ей отец: она сберегала эти деньги для того, чтобы после отдать их на дело распространения среди язычников христианства. После ее смерти ящик, при отце, был вскрыт, и в нем оказалось монет больше, чем могла получить девочка от отца. Вскоре недоумение разъяснилось, — одна благотворительница обещала прислать умиравшей девочке апельсин. Но больная упросила, чтобы вместо апельсина в ее ящичек положили что-нибудь на дело проповеди о Христе. Узнав это, отец со слезами возблагодарил Господа!

Вот как помогали добрые дети делу распространения слова Божия среди несчастных язычников. Пожалейте их, дорогие дети, и вы. И детское сердце ваше подскажет вам, чем и как вы можете помочь тем людям, которые доселе еще не познали Бога. Им нужна и ваша маленькая лепта, и ваша детская молитва, и ваше доброе сочувствие, и ваша любовь к ним.

Девочка-мученица

Вы знаете, я думаю, что в древнее время идолопоклонники-язычники предавали христиан мукам и казням. Среди мучеников были иногда даже маленькие дети. Вот, например, рассказ о гонении на христиан, которое было в нынешней Франции, в Лионской области, во время императора Марка Аврелия.

Гонение началось с того, что христиан бранили, бросали в них камнями; потом стали грабить их дома, а самих верующих хватали и отводили в суды. Здесь их подвергали пыткам и истязаниям. У одних из них желали вымучить отречение от Христа, других заставляли подтвердить справедливость народного мнения о мерзких преступлениях, которые приписывала христианам клевета. Муки были так продолжительны, что мучители утомлялись, но христиане оставались верны Христу и истине.

Одна девочка по имени Бландина, из рабынь, на все вопросы отвечала: «Я христианка, у нас ничего не делается худого!» Ее подвергали самым ужасным пыткам, но она повторяла одни эти слова, истекая кровью и едва переводя дыхание.

Пятнадцатилетний мальчик Понтик с мужеством переносил все пытки и не отрекся от своей веры; его сестра стояла рядом с ним и убеждала его сохранять верность. Епископ области, старец, которому было более 90 лет, принял такие пытки, что через два дня умер в темнице. Его твердость так сильно подействовала на других, что те, которые сначала колебались, теперь без страха исповедывали Христа; отпавшие снова возвращались к вере и желали принять мучение. Некоторых из этих христиан умертвили мечом, а большинство отдали на съедение диким зверям на арене цирка при громадном стечении язычников. Все, осужденные на эту казнь, умирали с величайшей радостью.

Бландина стояла и укрепляла других; с радостью и славя Бога, выступила она на арену, как будто бы шла на брачный пир, а не на мучительную смерть. Ее завернули в сеть и бросили дикому волу, который убил ее, подбрасывая кверху своими рогами. При виде ее твердости и терпения сами язычники говорили, что у них нет таких женщин, а христианский писатель, передающий эти события, говорит: «Так прославился Господь в тех, которые казались слабыми и ничтожными в гла-

зах мира». Тела всех мучеников сожгли, а пепел бросили в реку, как будто бы желая уничтожить всякий след христианства.

В Древнем Риме

Рим ликует... Встречает победоносного Тита* с его железными воинами и золотыми легионными орлами, облетевшими на своих высоких древках весь ведомый тогда мир. Тит возвращается после победы, одержанной над восставшей Иудеей.

На триумфальной колеснице въезжает Тит по «священному пути» на вековечный Римский форум**. За колесницей его бежит народный «клеветник» — человек, по исстари заведенному обычаю ругающий триумфатора; но над «клеветником», конечно, смеется ликующий народ. Слышатся приветственные крики, возгласы восторга.

*Римский император с 79 г., сын императора Веспасиана; во время Иудейской войны — восстания, которое подняли иудеи против владычества римлян, — возглавляемое им войско захватило и разрушило Иерусалим (70 г.).

**Главная площадь в Древнем Риме.

За колесницей следует другая, на ней высится, сверкая на солнце своим золотом, огромный семиконечный светильник, взятый римскими завоевателями из святилища храма Соломонова, и другие священные сокровища храма, уцелевшие во время пожара.

За колесницами вели пленных иудеев — главарей восстания и других знатных людей, взятых с оружием в руках. Все были в оковах; у главарей же сверкали на руках и на ногах массивные золотые цепи, выкованные из расплавленного пожаром золота храмовых сокровищ.

Общее внимание привлекала также замечательно красивая, хотя и немолодая женщина, которая вела за руку ослепительной красоты девочку, лет четырех-пяти, с распущенными роскошными волосами цвета червонного золота.

— Маленькая Венера!* Маленькая Венера! Афродита! — слышались в толпе возгласы восторга и удивления.

Прекрасная женщина, которая вела за руку эту девочку, была христианка-еврейка. Звали ее Саломея. Когда она сама была маленькой девочкой, то в числе про-

*Венера — богиня красоты у древних римлян. У греков она называлась Афродитой.

чих иерусалимских детей хотела приблизиться к Спасителю, а Его ученики не пускали их. Тогда Спаситель сказал: «Не отгоняйте от Меня детей», — и положил Свою руку на ее головку. Девочка была ее дочерью.

Теперь им предстояло отойти ко Христу. И мать, и ребенок обвинялись в страшном государственном преступлении и осуждены были военным советом всей армии Тита на растерзание львами в великом цирке Рима.

Преступление было такого рода. Когда Иерусалим пал и дымился в развалинах, Саломея, желая пробраться в Вифанию, где у нее была родня из семейства Лазаря, друга Спасителя, пошла с дочкой к римлянину, заведовавшему стражей, чтобы попросить у него пропуск. Палатка этого начальника была разбита на Голгофе, у Лобного места. Подходя к палатке, Саломея с ужасом увидела, что римский легионный орел — государственное знамя Рима — был святотатственно водружен при входе в палатку, в ту самую священную лунку, в которую тридцать семь лет назад был водружен Крест, принявший на себя распятого Спасителя, и которую верую-

щие оберегали как святыню. Сама Саломея ежегодно в дни Страстей Христовых и в день Воскресения вливала в нее благовонное миро. Увидав поругание святыни, Саломея схватила легионного орла, оплевала его, бросила на землю и стала топтать ногами. Мариам, ее дочка, подражая матери, тоже топтала орла своими ножками. Солдаты увидели это оскорбление императорского знамени, схватили Саломею и вместе с Мариам отвели к Титу, который, по требованию всех своих воинов, и велел судить преступниц полевым судом. Несчастных присудили к смертной казни через растерзание львами на арене в Риме.

— Маленькая Афродита! Народившаяся Венера! — слышалось в восторженной толпе.

Наконец, наступил день гладиаторских состязаний и звериной травли — травли людей зверями*. Весь Рим, казалось, наполнил собою великий цирк, который мог вместить в себя до полумиллиона зрителей. Ничто так не привлекало

*Один из видов развлечений в Древнем Риме. Гладиатор — специально обученный боец (из рабов или военнопленных), сражавшийся с другим таким же рабом или диким зверем.

жестоких, бездушных римлян, как кровавые зрелища. Нынешний же день представлял собой для них особый интерес: смертельный бой гладиаторов с двумя силачами-иудеями, приведенными войсками Тита из только что павшего Иерусалима, и отдание на растерзание страшному льву красивой иудейской женщины с прекрасной малюткой. Иудейские богатыри были: Иуда, сын Мертонна, и Симон, сын Иаира, от могучей руки которых пало в бою немало римских воинов при штурмах Иерусалима.

Ложи и галереи амфитеатра наполнены сверху донизу. Лучшие места, ближе к арене, заняты военачальниками, знатнейшими людьми, представителями правящего, державного Рима. Следующие ярусы битком набиты были римскими гражданами, воинами. Верхние ряды были похожи на огромные цветники: они были заполнены женщинами — от самых знатных, с золотыми украшениями, до простых, жадных до кровавых зрелищ, римлянок.

Из обширной императорской ложи лениво глядело бритое, заплывшее жиром лицо самого императора. Рядом с ним помещался его сын Тит, массивная голова ко-

торого твердо держалась на воловьей шее. По ленивому мановению руки императора амфитеатр огласили звуки труб.

На арену выходили бойцы, которых на этот раз, вследствие нерасположения Веспасиана к продолжительному состязанию, было немного — всего две пары: гладиатор-германец, который должен был вступить в единоборство с иудеем Симоном, сыном Мертона, и другой гладиатор — с иудеем Иудею, сыном Иаира.

Взвыли трубы, это был призыв гладиаторов к бою.

Борцы выступили. Германец, с детства обучавшийся в императорской гладиаторской школе, считался одним из лучших гладиаторов. Он прямо пошел на своего противника. Мечи обоих сверкнули, но, скользнув по подставленным щитам, взвизгнули точно от боли. Оба противника искусно отражали удары.

Вдруг германец отбросил свой щит.

— Уловка! — улыбнулся Тит. — Иудей погиб.

Подняв высоко меч, германец прямо пошел ничем не прикрытый, на закрытого щитом Симона. Последний, предвидя удар, прикрыл щитом грудь и живот.

Вдруг показалось, что германец споткнулся, припав на колени. Но в тот же момент меч его очутился под щитом противника.

Амфитеатр потрясли рукоплескания. Стон криков!

— Побежден! Побежден!

— Не побежден! — успел выговорить Симон, и, перегнувшись через голову врага, всадил в него меч.

Оба были мертвы. Их унесли.

Снова взвыли трубы.

— Ввести женщину с девочкой, — слышалось распоряжение.

Тит что-то тихо сказал отцу.

— Зачем же ты допустил это? — спросил император.

— Все воины требовали этого... оскорбление римского орла.

На арену медленно вышла Саломея, которая вела за руку необыкновенно прекрасную девочку с распущенными волосами цвета червонного золота. Ропот удивления и восторга волнами перекатился по амфитеатру.

— Это... это маленькое божество.

— Сейчас прибежит большая, большая кошка, она унесет нас к твоему отцу и

к Тому доброму Иисусу, о Котором я тебе так много рассказывала и Чью святую руку я и теперь чувствую на своей голове, — говорила между тем Саломея, проводя к середине арены свою девочку, которая с любопытством и детской наивностью поглядывала по сторонам.

— Идущие на смерть приветствуют тебя, император! — возгласил распорядитель, когда Саломея и Мариам поравнялись с императорской ложей.

— Вон видишь, дитя мое, Божие оконце? — показала Саломея на солнце. — Оттуда теперь смотрят на нас добрый Иисус, Сын Божий, и твой покойный отец. Видишь, дитя мое, у нас злые римляне отняли наш Иерусалим, сожгли его, а у доброго Иисуса есть небесный Иерусалим, и Он зовет нас к Себе.

— Какая красота! Какое божество! — слышались голоса.

Вдруг слышались раскаты грома. Все вздрогнули. Вздрогнула и Саломея с Мариам, и побледнела. Это было рыканье льва.

— Слышишь, дитя, это добрая большая кошка радуется, что сейчас понесет нас на небо, к твоему отцу, в небесный Ие-

русалим,— говорила Саломея, указывая на выскочившее из своей темной железной клетки чудовище с косматою гривой.

Страшный узник действительно радовался, увидев свет, солнце, свободу. Долго просидев в мрачной тюрьме и не имея возможности движения, потеряв всякую надежду видеть свет, небо, солнце, теперь, вырвавшись из своей могилы, он просто обезумел от неожиданности. Он видел теперь такое же синее небо и такое же горячее, яркое солнце, какое он знал и любил в своей далекой, знойной родной Африке, и ему показалось, что он уже там, среди пустынь и пальм. Вот скоро он увидит свою львицу, детенышей. И, подняв могучую голову, обратив страшную морду прямо к солнцу, он посылал теперь к нему такие громы рыканий, такой приветственный гимн, что стены амфитеатра дрожали. Потом, налюбовавшись на свое солнце, гигантскими, могучими прыжками он стал метаться по арене, чтобы насладиться свободой движения и бега, упругостью стальных мускулов своих могучих ног.

— Видишь, дитя мое, как играет добрая большая кошка,— говорила между тем Саломея, с трепетом глядя девочку по головке.

А лев опять уставился на солнце,— он не мог на него налюбоваться,— так давно не видал он солнца своей родной Африки. И снова из могучей глотки его неслись к небу громы.

Затем, сделав еще несколько гигантских прыжков, чудовище пустыни вдруг остановилось. Лев только теперь заметил на арене Саломею и Мариам и с удивлением уставился на них.

Весь амфитеатр с трепетом ждал, что будет дальше.

— Ах, зачем ты осудил ребенка? — со старческой жалостью тихо проговорил Веспасиан.

— Войска требовали ее именно,— она топтала твоего орла.

Лев, между тем, совершенно как кошка, припал к земле и, не сводя удивленных глаз с непонятного ему явления, бил метлой хвоста по арене, разметывая во все стороны песок.

— Иди, мое дитя, к доброй кошке,— побледневшими губами прошептала Саломея.

— А добрая кошечка не царапается, мама? — спросила девочка.

— Нет, моя крошка.

Девочка двинулась вперед. Вот-вот бросится чудовище и растерзает ребенка, — колотилось у всех в сердце.

Но чудовище не бросалось. И вот разгадка: перед травлею людей зверями четвероногих гладиаторов обыкновенно несколько дней морили голодом, и потому, при выходе на арену, они жадно бросались на добычу. А у этого льва надсмотрщиком был тайный христианин, который, узнав, что его узника натравят на христианку с дочкой, все время тихонько, по ночам, закармливал льва до отвалу.

Зверь был сыт по горло, и ему хотелось только веселиться, играть на свободе. Он никого не видел, кроме маленького беззащитного существа, которое само шло к нему. «Играет со мной», — подумал сытый зверь, и подобно кошке стал ползком двигаться назад. Вот-вот — сейчас ужасный прыжок. Но нет прыжка.

— Видишь, добрая кошечка играет, — шепчет Саломея.

И лев, как бы поняв ее слова, вновь начинает прыгать из стороны в сторону, точно в самом деле заигрывает с девочкой.

Потом он снова прилег и совершенно по-кошачьи стал ползти на брюхе к девочке.

— О, Всеблагий! Приими с миром ее чистую душу,— подняла к небу глаза Саломея, а потом в ужасе закрыла их, чтобы не видеть гибели дочери.

Лев у самых ног девочки. Та стоит как заколдованная.

Что это? Неслыханное чудо! Лев лижет маленькие ножки!

Весь амфитеатр задрожал от восторженных криков и рукоплесканий.

Лев, оглушенный этим громом, вскочив, глянул на скамьи и галереи, наполненные народом, которого он прежде, казалось, не заметил,— и стремительными прыжками бросился в свою тюрьму.

— Увести их! — вдруг раздался повелительный голос императора.— Боги пощадили ребенка, а мы для него оставляем его мать.

По Д. Мордовцеву

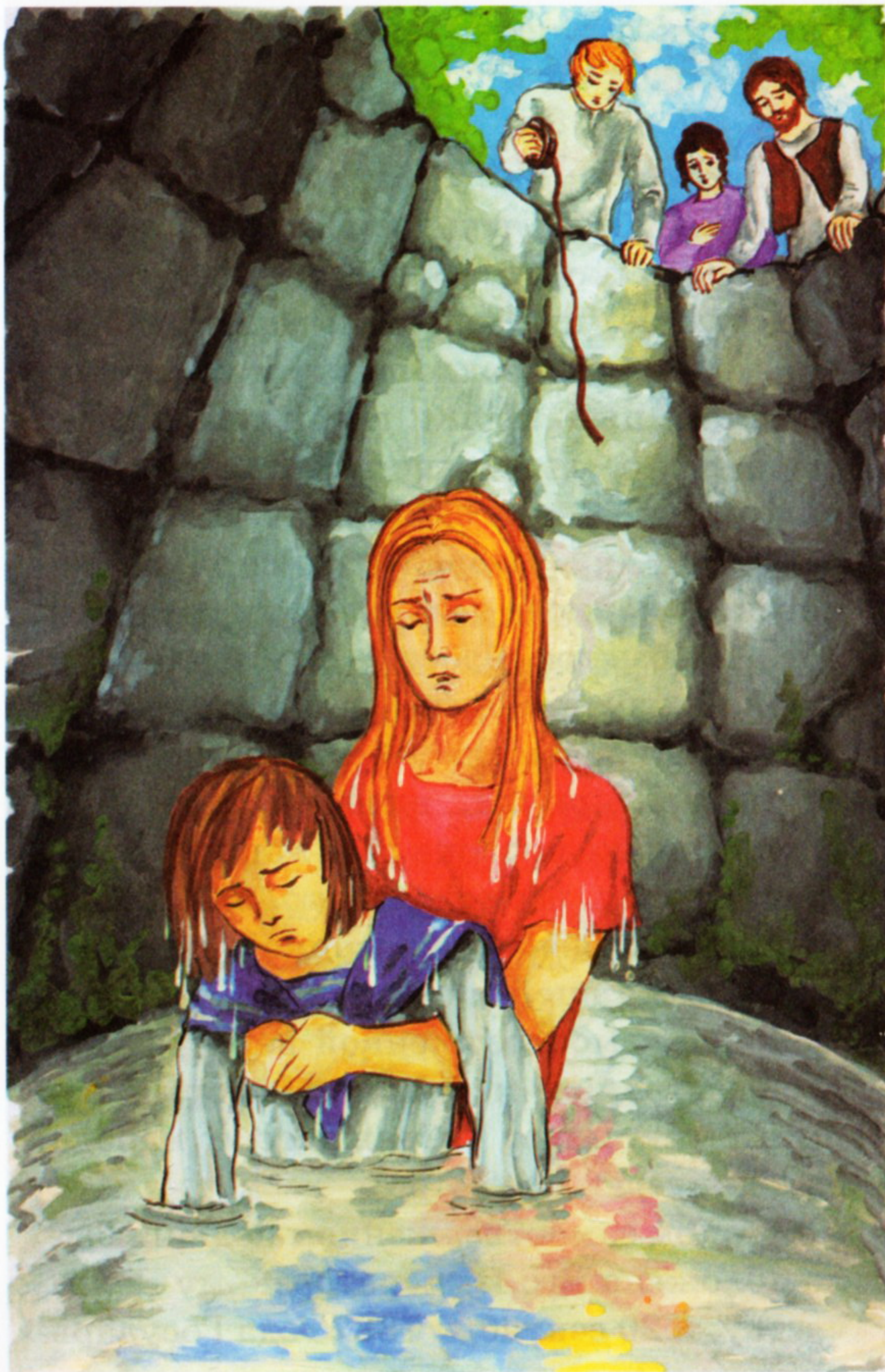

Геройский подвиг

14-летней девочки

Осенью 1887 года в Петербурге, на Выборгской стороне, по Воскресенской улице, шестилетний мальчик Митя, играя, забросил палку в колодец, имевший пять аршин глубины, как это было потом вымерено. Желая достать палку, мальчик и сам упал в колодец и пошел ко дну. Собралось несколько человек, в их числе девочка четырнадцати лет. Она быстро сбросила с себя платье и в одной рубашке нырнула в колодец, но эта попытка оказалась безуспешною: девочка вынырнула, едва не задохнувшись. Однако она еще раз три ныряла в этот колодец, несмотря на то, что он был наполнен грязной, зловонной жидкостью, служившей для поливки огорода. Наконец самоотверженной девочке удалось вытащить мальчика, который общими усилиями собравшегося народа был приведен в чувство.

О таком самоотверженном подвиге было доложено Его Императорскому Величеству, и 20 сентября 1887 года Государь

Император Всемиловитейше соизволил повелеть: шлиссельбургской мещанке, четырнадцатилетней девочке Анисье Никифоровой, за совершенный ею подвиг, кроме награждения ее серебряною медалью с надписью: «За спасение погибавших», и выдачи ей 25 рублей единовременного пособия, производить, впредь до выхода ее замуж, ежемесячное, из суммы Ее Величества, денежное пособие по 5 рублей и затем, при выходе замуж, отпустить единовременно на приданое 200 рублей.

Сорная трава

Одна благочестивая мать, вместе со своими маленькими дочерьми, занималась в своем небольшом огороде пропалыванием грядок. Работа шла скоро и весело; дочери поспешно рвали сорную траву, росшую среди овощных растений, и не замечали, как текло время, потому что кроме своей работы они были заняты рассказами матери о древних христианских подвижниках. Перед окончанием работы младшая девочка окинула своим взглядом очищенное место, и ей стало жаль той травы, которая так красовалась прежде среди гряд, испещряя весь огород разнообразными цветочками.

— Милая матушка, — сказала она, — я не буду полоть всей этой гряды. Мне грустно взглянуть теперь на наш огородик: тут так прекрасно расцветали и репейник, и анютины глазки, и клевер, а теперь все как будто мертво, и нечем мне любоваться.

Мать согласилась и уважила желание своей еще мало понимавшей дочери: полгрядки огурцов осталось покрыто сорны-

ми травами. Недели через две в огороде стали созревать плоды. Младшая из девочек более всех томилась ожиданием, — когда же придет возможность сорвать свеженький огурчик или выдернуть вкусную морковку. Каково же было ее удивление, когда на оставленной ею невыпосаженной грядке она не нашла ничего, кроме отцветшей и потому и некрасивой более травы! С печальным видом возвратилась она к своей доброй матери.

— Милая мама! — сказала она со слезами на глазах. — Ты знаешь, что я прежде радовалась, смотря на грядку, которую ты мне позволила оставить покрытою сорной травой. Теперь на ней ничего нет, кроме почти засохшей травы, тогда как наш огород и зелен, и свеж, и уже принес плоды!

На эти кроткие слова раскаяния добрая мать отвечала ласковым словом утешения и участия.

— Слушай же, мое милое дитяtko, — помни, что огород подобен нашей душе. Как в огороде, так и в нашей душе есть много доброго; но есть в нем (и еще более) и худое. Что добрые растения в огороде, то добрые желания в нашей душе;

сорная трава — это наши грехи и желания. Как тебе грустно было смотреть на очищенный огород, потому что он сделался пустым, так грустно и тяжело человеку оставить свои худые привычки: без них ему жизнь кажется постылой. Он не оставляет их, не старается истребить — и что же? Они приводят его на край гибели; все доброе в нем умирает; он перестает любить Бога, ближних, своих родителей. Вот смерть лишает его жизни, он является перед Богом, и нет у него ничего, никаких добрых дел; и самые пороки, как тебе теперь трава, не кажутся ему более приятными; но после смерти нет покаяния. Он подвергается вечному осуждению. Откройте, дети, Евангелие от Матфея и прочитайте в главе третьей десятый стих.

Одна из девочек прочитала: «Уже и секира при корне дерева лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубят и бросают в огонь».

— Помните это место и старайтесь никогда не забывать его, — сказала мать своим детям. — Дерево, не приносящее плодов, — то же, что сорная трава. Оно означает человека, не делающего добрых

дел, — человека, преданного пороку. Бегайте же греха, этого сорного растения, которое так часто заглушает в людях все доброе.

Детская молитва

Трудно жилось Марье Алексеевне с тремя малолетними детьми, когда она осталась вдовой без всяких средств к существованию. Муж ее был дворянином и добрым отцом семейства, но, по ограниченности своего жалованья, ничего не скопил для жены и детей. Похоронила Марья Алексеевна мужа и задумалась: чем жить? Нужно хлопотать о месте в каком-нибудь казенном учреждении, где бы дали квартиру и стол; о жаловании уже рассуждать не приходилось, лишь бы найти, где приютиться с детьми. В ожидании такого места вдова продала свои пожитки и на эти деньги кормила детей. С нею жила еще старшая сестра ее, Анна Алексеевна, тоже вдова,

уже пожилая женщина. Маленькая квартирка, состоящая из двух комнат, бедно обставленная, производила грустное впечатление вместе со своими обитателями, которые надеялись только на Божию помощь, ничего не имея в виду к материальному улучшению. Но вот их постигло новое горе: заболела мать семейства. Болезнь началась страшным жаром и каким-то незнакомым ощущением в горле, но больная молчала, боясь напугать своих детей.

— Маша, ты вся горишь, — заметила сестра ее.

— Да, мне сильно нездоровится, я, должно быть, слягу в постель, но Бог милостив, может быть, пройдет; ведь приглашать доктора мы не можем, его нечем поблагодарить, да и лекарства покупать не на что, — отвечала больная.

К вечеру она действительно слегла в постель и начала бредить. На другой день Анна Алексеевна увидела, что дело плохо, и пошла к знакомому доктору, умоляя его навестить больную. Он не замедлил прийти на помощь и нашел у Марьи Алексеевны сильнейший дифтерит.

— Сейчас же, не медля, нужно удалить детей,— распорядился он,— для безопасности.

— Что вы говорите, доктор,— возразила Анна Алексеевна,— куда же я их дену? Вы видите наше помещение!

— Куда-нибудь к родным, к знакомым, словом, куда хотите, но удалить необходимо.

Тут поднялся плач детей, раздирающий душу.

— Мы не пойдем никуда, мы будем ходить за мамой, мы никуда не пойдем от мамы!

— Оставьте их на волю Божию,— просила Анна Алексеевна,— если умрет мать, то пусть умирают и они все, мне их некуда девать, пусть уж все умирают,— с отчаянием сказала она.

— По крайней мере не впускайте детей в эту душную спальню, где лежит их мать, ведь вы подвергаете их опасности, оставляя при заразной больной. Что мне с вами делать? Вот я пропишу, что нужно на первых порах, а завтра в 10 часов утра приеду опять; но не ручаюсь, может быть, к утру больной уже не будет в живых.

С этими словами добрый доктор уехал, оставив свои деньги на лекарство. Анна Алексеевна тотчас послала племянника Витю в аптеку, так как он был старший в семье, и велела ему, пока будут готовить лекарство, не дожидаться, а сбежать в часовню великомученика Пантелеимона и взять масла из лампы.

— Да помолись за больную! — крикнула ему тетка, когда он уже бежал по двору.

Девочки, семилетняя Катя и восьмилетняя Маня, находились у постели больной матери, и невозможно было отозвать их в другую комнату. Они плакали и целовали ее, стараясь вызвать хотя один звук ее голоса.

— Мама, мамочка, проснись, милая мамочка, не умирай, дорогая мамочка, скажи хоть словечко!

Анна Алексеевна верила, что невозможное для людей возможно для Бога, и обратилась к Нему с усердной молитвой, тому же научила и детей.

— Маня, Катя! Если вы любите маму, то помолитесь Богу, чтобы вам не остаться круглыми сиротами. Встаньте перед

иконами и усердно молитесь Господа об исцелении вашей мамы, молитесь Царицу небесную и всех святых угодников Божиих. Вот у меня есть акафист целителю Пантелеимону, читайте его и молитесь.

Девочки с верою ухватились за это средство и обе встали на колени. Они растлали печатный лист на полу, для своего удобства, и начали читать акафист вслух, с горькими слезами. Акафист был напечатан по-церковнославянски, что их сильно затрудняло. Они едва разбирали слова и поливали этот лист горькими слезами. Маня не могла надолго оставлять свою мать, и часто бегала в спальню посмотреть на нее, а Катя, не поднимаясь с колен, с рыданием молилась, повторяя свою собственную молитву: «Господи, спаси нам маму! Святой угодник Божий, исцели нам маму!»

Анна Алексеевна жалела, что не успела попросить священника причастить умирающую сестру, и сидела, прислушиваясь к хрипению в груди больной, ожидая ее кончины.

Но вот прибежал племянник Витя, едва переводя дух от быстрой ходьбы; он отдал тетке лекарство из аптеки и масло из

часовни св. Пантелеимона. Вера породила надежду, и Анна Алексеевна торопливо взялась за целебное масло из часовни, отставив лекарство в сторону. С молитвой начала она натирать маслом все тело больной и продолжала это около получаса, а дети все молились. Вдруг больная открыла глаза и слабым голосом спросила:

— Какими это травами ты натираешь меня? Уж очень они ароматны и так приятны для тела.

— Это масло из лампы целителя Пантелеимона.

— А, вот что, я не знала, — и больная приподняла руку перекреститься.

Анна Алексеевна употребила на растирание все принесенное масло, а затем одела больную теплым одеялом. Дети, утомленные слезами и усердной молитвой, скоро заснули на жестком диване, а тетка их сидела возле сестры, не спуская глаз с маленького образочка св. Пантелеимона, висевшего в головах больной. Она уже не могла молиться, она только смотрела на образок, как смотрят на врача, в искусство которого верят и отдают ему больного в полное распоряжение. Прислушиваясь к дыханию сестры, она заметила, что та

стала дышать ровнее и спокойнее. Так прошла вся ночь. Утром, часов в восемь, больная попросила переменить на ней белье, потому что была в сильном поту. Она сама села на постели, перекрестилась и попросила чаю. Обрадованная Анна Алексеевна торопливо исполняла все ее требования. В десятом часу пришел доктор и, осторожно войдя, спросил, жива ли больная?

— Войдите к ней, ей лучше, — ответила Анна Алексеевна.

Он вошел и остановился, не веря своим глазам. Взглянул на нетронутое лекарство и спросил:

— Чем вы лечили ее?

— Вот врач, — ответила Анна Алексеевна, указывая на образок св. Пантелеимона, — а вот и лекарство, — показала она на пузырек от масла.

Доктор осмотрел больную и воскликнул:

— Сильна вера ваша! Это чудо Бог сотворил, — иначе и предположить не могу. Вы знаете, что у Марьи Алексеевны был сильнейший дифтерит, и я не рассчитывал заставить ее живой, а теперь этой болезни и следа нет. Я торопился узнать

**Св. великомученик и целитель
Пантелеимон**

о результате действия моего лекарства, а вы к нему и не прикасались.

— Простите, доктор, я была в таком отчаянии, что верила только в Божию помощь, и поэтому предпочла это масло вашему лекарству.

— Мы молились за маму, — сказала маленькая Катя, — вот Бог и исцелил ее. Скажите, доктор, всем больным, чтобы молились Богу и читали акафист св. Пантелеимону. Ведь вы верите, что это он исцелил нашу маму?

— Верю, детки, верю, это первый случай за все время моей врачебной практики. Я плохой христианин, но, все-таки, советую, когда ваша мама совсем поправится, пойдите с ней и отслужите благодарственный молебен. Теперь я смело поздравляю вас, Марья Алексеевна, с быстрым выздоровлением. Только один Бог мог вырвать вас из когтей смерти.

С этими словами доктор ушел, радостный и удивленный. Марья Алексеевна, действительно, скоро поправилась и прожила еще много лет.

Будь снисходителен и кроток!

Человек, озлобленный против нас, есть человек больной. Надо приложить к его сердцу пластырь — любовь, надо приласкать его, поговорить с ним с лаской, с любовью, — и если в нем не закоренелая против нас злоба, а только временная вспышка, — посмотрите, как сердце его или злоба его растает от нашей ласки и любви, как добро победит зло. Христианину нужно быть всегда благим, мудрым на то, чтобы благим побеждать злое.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

Наследство

Родители Лизы были люди бедные, но честные и трудолюбивые. Сама Лиза была очень добрая и ласковая девочка, и все соседские дети любили ее за вежливое

и милое ее обращение. Всякий охотно играл с ней, несмотря на то, что она была беднее всех и не имела таких хорошеньких платьиц, как Наташа, Настя и прочие подруги. Они же смотрели не на платье, но на сердце, которое, конечно, стоит больше какой-нибудь шелковой или бархатной тряпки.

Вдруг с Лизой произошла перемена. Родители ее получили большое наследство и разбогатели. Лиза вообразила, что она важнее своих подруг, и сделалась в высшей степени спесивой. От прежней ее услужливости и любезности не осталось и следа.

Наташа, Настя и прочие подруги ее сначала удивились, а потом стали над нею смеяться, и, наконец, Настя сказала ей:

— Послушай, Лизочка, ты глупенькая девочка. Если ты не переменишь своего обращения, то останешься одна: мы с тобой играть не будем. Опомнись!

При этих словах Лиза поморщилась, отвернулась от подруг и сказала:

— Теперь я богата — подруги найдутся.

Она, однако же, ошиблась: дети оставили ее, и Лиза, покинутая подругами, вскоре стала сильно скучать. Она только теперь увидала, как неприятно быть од-

ной. Сидя у окна, Лиза плакала, поглядывая на веселые игры своих прежних подруг. Наконец, мать ее заметила эту перемену и спросила ее:

— Почему ты не играешь со своими подругами?

Сначала Лизе стыдно было сказать причину, но по настоянию матери она созналась в своей глупой выходке, равно как в том, что уже давно раскаивается в своей заносчивости.

— Ступай сейчас же к своим подругам, извинись перед ними, — сказала мать. — И помни, что не богатство, но ласковое и сердечное обращение делает человека любимым. Какое другим дело до того, богаты или нет? Разве они пользуются твоим богатством? Оставь навсегда глупую спесь и не допускай, чтобы зло укоренилось в твоём сердце.

Лиза тотчас же последовала совету матери, побежала к подругам, ласково попросила у них извинения за свое надменное обращение с ними и снова была с радостью принята в кружок веселых детей. Это, впрочем, весьма хорошо на нее подействовало: с тех пор она никогда не хвасталась богатством отца.

Пословицы о том, как жить

Нет друга, так ищи, а есть, так береги.

Новых друзей наживай, а старых не теряй.

Для друга и семь верст не околица.

Дорога помощь во время скудости.

Про доброе дело говори смело.

Добро не умрет, а зло пропадет.

Не так живи, чтобы, кто кого сможет, тот того и гложет, а так живи, чтобы людям, как себе.

Глупые друг друга губят да потопляют, а умные друг дружку любят да подсобляют.

Кто добро творит, того Бог благословит.

Кто сырых питает, того Бог не забывает.

Подай в окно, Бог в подворотню подаст.

Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу.

Не рой другому яму — сам в нее попадешь.

В лихости и зависти нет ни проку, ни радости.

Бог видит, кто кого обидит.

Тайна

В одном доме жили две маленькие сестры, которых всегда видели весело играющими, потому что они были всегда довольны одна другою. У них были общие книги и игрушки, но никогда не было между ними ссоры, никогда не слышно было сердитого слова, не видно было гневного взгляда. Всегда находились они в хорошем расположении духа, играя ли на траве, или в чем-либо помогая матери.

— Мне кажется, что вы никогда не сердитесь, — сказал я им однажды. — Отчего это зависит, что вы всегда довольны одна другою?

Они взглянули на меня, и старшая ответила

— Это оттого, что во всем мы уступаем одна другой.

Я подумал одну минуту. Да, это справедливо: ты уступаешь ей, а она тебе.

Эти маленькие добрые сестры открыли тайну спокойной и веселой жизни. Они постоянно уступают одна другой, стараясь делать друг другу все приятное. Они добры, уступчивы, простосердечны,

несамолюбивы и готовы постоянно помогать одна другой. И, не правда ли, как должны быть они счастливы? И все за это их любят.

Бабушкины часы

— Бабушка, отчего вы каждый раз все считаете, когда бьют ваши стенные часы, и после того задумываетесь о чем-то?

Так спросила семилетняя девочка свою любимую бабушку, прибежав к ней и взбираясь к ней на колени, когда часы били двенадцать.

— Считаю я, милая моя, удары часов по привычке, когда думаю, а задумываюсь при этом о том, что с каждым часом жизнь моя делается короче, а смерть становится ближе ко мне. Станут бить часы, а я и думаю: еще улетел в вечность час из моей жизни; еще часом меньше мне осталось жить на свете. Звон часов, как похоронный звон колокола, напоминает мне,

что когда-то пробьет и мой последний час, после которого погребальный колокол возвестит о кончине настоящей моей жизни.

— Да на что же вам, бабушка, думать и помнить о том? Разве вам это нравится? Разве вам хочется умирать?

— Умирать-то не хочется, дитя мое, да смерть не спрашивает у нас, когда ей придти. А мои лета уже такие, что и нехотя думается о смерти. И что же я была бы за христианка, если бы я боялась думать о смерти? Думать о смерти и ожидать ее каждый день, каждый час велит нам всем Господь наш, чтобы мы готовились к жизни будущей. Так вот, когда станут бить часы, я думаю: еще часом короче стала моя жизнь. Что я сделала хорошего и что худого в прошедший час? Лучше ли я становлюсь или нет, и готова ли я предстать после смерти на суд Божий? Если я сделала или сказала что худое в прошедший час, то вздохну ко Господу о грехах своих и после этого иногда удержусь от худого дела или худого слова. Сделал ли кто из домашних нехорошо, скажет ли обидное слово, или вот ты сделаешь какую шалость, а я вспомню о смерти и

удержусь от гнева и сердитого слова, а вместо того замечу тебе и другим с ласкою да с любовью.

— Так и я теперь, бабушка, буду делать: как станут бить часы, так и я все буду вспоминать о смерти и буду делать то, что делаете вы.

— Хорошо, дитя мое, так делать всякому христианину, но тебе пока это не по силам. Не обещай делать то, чего не можешь исполнить. Когда вырастешь, тогда старайся делать так. А теперь ты вот что сделай. Когда станут бить часы, подумай тогда: вот еще час прибавился к моей жизни. Что я сделала в этот час, — что выучила, что узнала? Если что опустила или забыла сделать, — поспеши исполнить. Если кого обидела или на кого обиделась, поспеши помириться, и в следующий час постарайся не делать нехорошего, что допущено было тобою в прошедший час. Тогда ты с каждым часом будешь становиться умнее и добрее, будешь расти телом и душой.

— Хорошо, бабушка, я это буду делать теперь.

— Да благословит тебя Господь, доброе дитя мое!

Чему нас учат пчелы?

Чувство любви к родителям Господь вложил в сердце каждого человека. Но что говорить о людях? Посмотрите на пчел: они не покидают свою матку, т. е. царицу пчел, даже тогда, когда она уже не может для них ничего делать и, искалеченная или больная, падает на дно улья. Нельзя смотреть без сострадания, как эти Божии мушки всеми силами стараются поднять свою матку со дна наверх: они спускаются, цепляясь одна за другую, на дно улья и образуют из себя лестницу в надежде, что матка по этой лестнице поднимется вверх, где ее ожидают самые усердные слуги.

А если она так обессилела, что не может выбраться оттуда, то при ней остаются несколько пчелок с медом, которые кормят больную матку и согревают ее, прижимаясь к ней. И трогательно бывает видеть, как эти усердные дети не покидают матку свою даже тогда, когда она умрет: они машут над нею крылышками, как бы стараются оживить ее, и только

уже тогда, когда увидят, что все напрасно, с жалостливым жужжанием улетают от нее.

Смотря на это, невольно подумаешь: «Подойдите сюда, разумные люди, поучитесь у этих маленьких созданий не только их уму-разуму, их трудолюбию, бережливости, их любви к своим деткам — молодым пчелкам, но и подивитесь их любви к их матке, поучитесь у них и этой добродетели». Но ведь мы не животные, мы не дикари какие-нибудь, мы не язычники, Бога не ведущие. Нам заповедал Господь Бог: «Чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет и да долголетен будешь на земле». Много писали нам об этой заповеди великие учителя ветхозаветные, много поучали нас святые апостолы, и всегда учила и учит святая мать наша — Церковь Православная. Она учит нас, что кто почитает отца и мать, тому Господь ниспосылает Свое благословение и долгую жизнь, а кто не исполняет этой святой заповеди, того постигает Божие проклятие.

Вот как поучает об этом премудрый Иисус, сын Сирахов: «Чтущий отца, — говорит он, — очистит грехи». Что это значит? А это значит вот что: Господь так вы-

соко ставит любовь детей к родителям, что Он прощает нам грехи наши, если мы всей душой любим наших родителей, если усердно служим им в их немощах и старости, если для них не жалеем ничего, что только есть у нас. И слава Богу, есть много таких христиан, чья любовь к родителям достойна удивления.

Не увлекайтесь земными предметами

Как для дитяти все равно, какая бы ни была надета на него одежда, так и христианин — младенец о Христе — должен быть равнодушен к разнообразию, богатству и великолепию земных одежд, считая лучшим и нетленным одеянием своим Христа Бога. Потому что пристрастие к дорогим, прекрасным

одеждам свойственно людям века сего или язычникам, как говорил Господь (Матф. VI, 31), потому что одежда есть идол людей века сего. О, как мы суетны, мы, которые призваны к общению с Богом, которым обещано наследие нетленных и вечных благ! Как неясны наши понятия о вещах тленных и нетленных! Как мы неразумны, придавая цену самым ничтожным предметам и не ценя благ вечной души своей, мира, радости, дерзновения перед Богом, святости, послушания, терпения, вообще всех свойств истинного христианина. Итак, надо ценить душевные блага, доблести, а вещественные, как тленные, ничтожные — презирать.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

Всесильная любовь

«**М**ладенцы Павел и Ольга, — писал в своем дневнике святой правед-

ный Иоанн Кронштадтский,— по милосердию Владыки и по молитве моего непотребства, исцелились от одержащей их тяжелой болезни. У Павла-малютки болезнь разрешилась сном, а малютка Ольга получила спокойствие духа, и личико из темного сделалось ясным.

Девять раз ходил я молиться с дерзновенным упованием, надеясь, что упование не посрамит, что толкущему отвержется, что хоть за неотступность даст мне Владыка просимое, что если неправедный судия удовлетворил, наконец, утруждавшую его женщину, то тем более Судия всех Праведнейший удовлетворит мою грешную молитву о невинных детях, что Он призрит на труд мой, на ходьбу мою, на молитвенные слова и коленопреклонения мои, на дерзновение мое, на упование мое.

Так и сделал Владыка, не посрамил меня, грешника. Прихожу в десятый раз,— младенцы здоровы. Поблагодарим Владыку и пребыструю Заступницу».

Вот как любовь о. Иоанна Кронштадтского исцелила деток!

Содержание

Детство и юность Божией Матери	3
Ожерелье Марии	11
Христианочка	14
Волшебные очки	27
Незабудка	32
Великодушная	36
Три маленьких христианки	39
Дорогая копеечка	45
Помогите и вы, дети!	46
Девочка-мученица	49
В Древнем Риме	52
Геройский подвиг 14-летней девочки	67
Сорная трава	70
Детская молитва	74
Будь снисходителен и кроток!	85
Наследство	85
Пословицы о том, как жить	89
Тайна	90
Бабушкины часы	92
Чему нас учат пчелы?	96
Не увлекайтесь земными предметами	99
Всесильная любовь	101

РЕЛИГИОЗНОЕ ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ИЗДАНИЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

Для младшего и среднего школьного возраста

ОТДЕЛ РЕАЛИЗАЦИИ: (495) 689-15-54

ISBN 978-5-98891-225-5

© Приход храма Святого Духа сошествия (оформление, вёрстка)

© Ольга Ясинская (иллюстрации)

© Анна Савельева (обложка, иллюстрации)

Формат 60х90/16 П.л. 6,5 Тираж 4000 Заказ № 93210

Подписано в печать 26.08.2009.

Отпечатано в типографии ОАО «Молодая гвардия»:

127994, Москва, Сущевская ул., д. 21.

Издательство «Чтение для русских детей»

и издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского

при приходе храма Святого Духа сошествия:

129272, Москва, ул. Советской армии, 12, стр. 1 и 2.

ЖИЗНЬ ДАНА НА ДОБРЫЕ ДЕЛА

